

A detailed illustration of a brown bear with a human-like posture, wearing a dark blue suit jacket, a light blue shirt, and a red striped tie. The bear is seated at a wooden desk covered with a red cloth. On the desk are a glass of red liquid, a pen, and some papers. In the background, there is a bookshelf filled with books and a window with a view of a bright, sunlit outdoor scene with flowers. The overall style is realistic and detailed.

Тенна

Правила хорошего тона для Медведя

18+

Тенна Тенна

Правила хорошего тона для Медведя

*<https://litres.ru/74061264>
SelfPub; 2026*

Аннотация

У школьного психолога Егора — три проблемы:

1. Он оборотень-медведь.
2. Он вампир.
3. В его термосе не ромашковый чай.

Мотобрат Клоп мечтает отхлебнуть «лечебного сбора». Завуч Вера Павловна подозревает неладное. Физрук Сергей Сергеич уже попробовал — и упал в обморок. А влюбленная медсестра Кристина решила, что лучший способ признаться в чувствах — приехать к нему домой в коротком платье и с бутылкой шампанского.

Егор привык решать чужие проблемы. Но когда проблемы стучатся в его собственную дверь, у него есть три способа их решения:

1. Он оборотень-медведь.
2. Он вампир.
3. В его термосе не ромашковый чай.

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

18

Тенна

Правила хорошего тона для Медведя

Глава 1

Вторник, большая перемена. Кабинет психолога на первом этаже — бывшая кладовка, которую облагородили шторками цвета «унылый беж» и поставили кресло-грушу, чтобы дети расслаблялись. Расслабляться в этом кресле пока никто не научился, потому что оно скрипит так, будто в нём умирает маленькое животное.

Егор сидит за столом, листает чей-то тест Люшера и думает о том, как хорошо, что сейчас не полнолуние. В свои тридцать с небольшим он выглядит на все сорок, но в этом есть своя нечеловеческая брутальность. Тяжелая, чуть скошенная линия челюсти, приплюснутый нос (сломан в юности, в одной из драк на мотофестивале) и глубоко посаженные глаза. Глаза — его главная загадка. Формой они человеческие, карего оттенка, близкого к янтарю. Но в них горит зрачок вампира: крошечная, угольно-черная точка, которая не расширяется на свету. Поэтому даже под летним солнцем его взгляд кажется ледяным, сканирующим. Вечно «навыка-

те» от природы медвежьей ипостаси, эти глаза смотрят с вечной усталостью ночного хищника, запертого в теле человека. При этом Егор Павлович кажется образцовым занудой: мятый пиджак из шерстяной полоски (серый, «чтоб не драить постоянно»), протертые локти, вечный галстук-«селетка», завязанный кривым узлом. Под пиджаком — простая фланелевая рубашка в клетку, которая прячет неестественно широкую грудь и мощные ключицы.

В дверь стучат. Не вежливо — ногой.

— Войдите, — вздыхает Егор.

Дверь открывается, и в кабинет влетает... нет, не влетает. Вкатывается. На энергичных, злых, пацанских ногах. Это Данил «Даман» Сучков, семь «Б», хулиган со стажем три года. Внешность у Дамана классическая: вихры торчат во все стороны, джинсы спущены до колен (мода, блин), футболка с черепом и надписью «Not today, мама». Ему двенадцать, но он уже пробовал курить, материться на завуча и один раз украл у физрука бутылку портвейна, чтобы эффектно вылить её в унитаз (физрук потом рыдал).

— Садитесь, Данил, — Егор кивает на стул.

Данил не садится. Он скрещивает руки на груди и смотрит волчонком — злым, но глупым.

— Я не буду с вами разговаривать, — заявляет он. — Вы псих. Меня мама заставила.

— Мама умная женщина, — кивает Егор. — Садись.

— Не сяду.

— Тогда стой. У меня перерыв через полчаса, и я хочу успеть доесть бутерброд.

Данил моргает. Такого ответа он не ожидал. Обычно учителя начинают давить, пугать директором, петь про светлое будущее. А этот просто хочет бутерброд.

— Ладно, — бурчит Данил и плюхается на стул. — Чего вам надо?

Егор откидывается на спинку кресла. Смотрит на пацана. Худой, злой, глаза горят. Классика.

— Мне надо, чтобы ты объяснил, зачем ты разбил нос Семену из семь «А». И не говори, что случайно.

Данил дергает плечом.

— Он бесил.

— Чем?

— Своим видом.

Егор медленно кивает.

— Понимаю. Бывает. Я, например, ненавижу вид завуча Веры Павловны. Но я не бегаю за ней с кулаками. Потому что я воспитанный медведь.

— Какой медведь? — не понимает Данил.

— В переносном смысле. Так, Данил, давай по порядку. Ты ударил Семена. Семен заплакал. Кровь, слезы, мама Семена написала заявление. Теперь твоя мама платит штраф. А могла бы купить тебе новый скейтборд. Чувствуешь логику?

Данил хмурится. Логичку он чувствует, но признавать не хочет.

— Он первый начал. Обозвал меня.

— Словом?

— Неважно.

— Важно, — Егор подается вперед. — Если он обозвал тебя словом, которое можно напечатать в газете, то ты должен был пойти к учителю. Если словом, которое нельзя напечатать — тем более пойти к учителю. Потому что твоя задача — выиграть войну, а не битву. Понял?

Данил молчит. Его глаз дергается. Егор видит, что мальчишка уже жалеет о содеянном, но гордость не пускает.

— Он сказал, что у меня папа сидит, — наконец выдавливает Данил. — А мой папа не сидит. Он просто ушел в запой в прошлом году и пока не вернулся. Это разные вещи.

У Егора что-то ёкает внутри. Вампирское, голодное — он его гасит. Медвежье, теплое — он его выпускает.

— Понятно, — Егор встает, подходит к окну. — Слушай, Даман. Я тебе сейчас скажу вещь, которую ты не забудешь. Ты готов?

Данил напрягается.

— Каждый раз, когда ты бьешь кого-то, ты проигрываешь. Даже если ты сильнее. Даже если он обозвал твою маму. Даже если он наступил на твои новые кроссовки. Потому что после удара ты из правого становишься виноватым. А виноватым быть выгодно только тем, кто хочет, чтобы их жалели. Ты хочешь, чтобы тебя жалели?

— Нет, — бурчит Данил.

— И я не хочу. Поэтому давай договоримся. Следующий раз, когда Семен скажет гадость, ты берешь телефон и записываешь его на видео. Спокойно, улыбаясь. И потом показываешь завучу. Завучу Вере Павловне. Этой стерве.

Данил неожиданно хихикает.

— Вы сказали «стерва».

— А ты не повторяй, — строго говорит Егор. — Я психолог, мне можно. А теперь иди. И запомни: победитель — не тот, кто сильнее, а тот, кто умнее. И кто не мажет кровью свой новый свитер.

Данил встает, уже не такой злой. На пороге он оборачивается.

— А вы правда медведь?

— В переносном смысле, — улыбается Егор. — Беги уже.

Данил вылетает в коридор и тут же налетает на Веру Павловну, завуча. Вера Павловна — женщина лет пятидесяти, сухая как вобла и с прической «я убью тебя взглядом». На ней костюм цвета запекшейся крови и очки в золотой оправе. Она смотрит на Данила, Данил смотрит на неё.

— Сучков, — ледяным тоном произносит Вера Павловна. — Надеюсь, психолог вбил в твою пустую голову хоть крупицу морали?

— Ага, — кивает Данил. — Сказал, что вы стерва.

Коридор замирает. Вера Павловна медленно поворачивает голову в сторону кабинета. Егор уже стоит в дверях с самым невинным лицом человека, который только что не рас-

сыпал соль на рану, а высыпал целый пакет.

— Александр Павлович! — голос завуча режет слух. — Вы позволите?

— Вера Павловна, — Егор разводит руками. — Я сказал «нервная система у вас тонкая, как струна, лучше не трогать». А он, видимо, услышал «стерва». Детская фантазия, что поделать.

Вера Павловна сверлит его взглядом. Егор улыбается той самой медвежьей улыбкой, от которой хочется или обнять его, или убежать. Завуч выбирает третье — она разворачивается и уходит, гремя каблуками.

Данил, уже из-за угла, показывает Егору большой палец.

Егор вздыхает, закрывает дверь и садится за стол. Бутерброд с колбасой лежит нетронутый. Кровь кролика в термосе давно остыла.

— Медведь, блин, — бормочет он себе под нос.

И тут в дверь снова стучат.

— Тополев! — орет физрук Сергей Сергеевич. — Открой-вай, лечилка хренова! У меня локоть болит!

Егор закрывает глаза и считает до десяти.

В коридоре грохот — физрук уронил штангу (или себя). Егор не открывает. У него перерыв. И бутерброд. И очень много мыслей о том, почему он, оборотень-вампи́р с дипломом МГУ, работает в школе, где даже стены пьют валерианку.

Он откусывает бутерброд и смотрит в потолок.

«Дети, физируки-алкоголики, стервы-завучи, — думает Егор. — Я тут самый нормальный».

За стеной физрук начинает петь «Ты носи меня река...». Егор делает глоток термоса.

Дверь распахивается с такой силой, что шторка на окне подпрыгивает и скручивается в узел.

На пороге стоит Сергей Сергеевич — физрук, легенда школы № 43, человек, чья педагогическая карьера держится на трёх китах: свистке, спортивных штанах с пузырями на коленях и хроническом алкоголизме, который администрация предпочитает не замечать, потому что без Сергея Сергеича уже двадцать лет никто не соглашается вести физру.

На вид ему можно дать и пятьдесят пять, и семьдесят. Лицо красное, рыхлое, с синими прожилками на щеках. Нос похож на спелую сливу — с фиолетовым отливом и мелкой капиллярной сеткой. Лысину он маскирует козырьком от бейсболки с надписью «Olympic 1980», которая держится на единственной уцелевшей застёжке. Спортивный костюм серого цвета когда-то был синим. На груди — старый значок ГТО, которым он козыряет в женской раздевалке как доказательство былой удали.

— Тополев! — рывкает Сергей Сергеевич, и от его дыхания в кабинете моментально портится воздух. — Ты чего не открываешь? Я там в коридоре ногу приложил! Гематома! Это производственная травма, понял? Буду писать докладную!

— Сергей Сергеич, — устало говорит Егор, откладывая бутерброд. — У меня перерыв. Медицинскую помощь оказывает медсестра в кабинете на втором этаже.

— Медсестра! — физрук пренебрежительно машет рукой. — Эта мымра даже градусник поставить не может, у нее руки из одного места растут. А ты психолог. Психологи всё про людей знают. Скажи мне, почему у меня локоть болит?

— Может быть, потому что вы вчера рукой падали, пытаетесь удержаться за турник?

— Да не падал я! — возмущается Сергей Сергеевич, хотя по тому, как он держится за стену, ясно, что он падал сегодня минимум трижды. — Я вчера форму поддерживал!

Он делает шаг внутрь кабинета, спотыкается о кресло-грушу, та издаёт душераздирающий скрип, похожий на крик раненой чайки. Физрук не обращает внимания. Его мутные глаза блуждают по комнате и останавливаются на столе. На столе — термос. Тот самый.

— Что это у тебя? — Сергей Сергеевич щурится. — Кофеек?

— Чай, — быстро говорит Егор, загоразивая термос плечом. — Травяной. Вам не подойдёт.

— Всё мне подойдёт! — физрук обиженно надувает губы. — Я, между прочим, русский человек. Я из кружки пил то, что другие пить боялись. В армии...

— Сергей Сергеич, — Егор встаёт из-за стола, чтобы физически преградить путь. — Давайте я лучше посмотрю ваш

локоть. Прямо сейчас, не отходя от кассы.

Он берёт физрука за плечо и разворачивает к свету. Рука у того трясётся. Локоть действительно красный и опухший — похоже, упал со всей дури. Егор щупает кость, прикидывая, не перелом ли. Сергей Сергеевич охает, но терпит. Медвежья хватка Егора не оставляет вариантов для манёвра.

— Перелома нет, — выносит вердикт Егор. — Сильный ушиб. Холод приложите и не пейте три дня. В смысле — не нагружайте руку.

— А я и не пью, — обиженно бурчит физрук. — Я вообще бросил. Вчера бросил. Сегодня... сегодня поддержу, и всё. Я на системе. Знаешь такую? Ай!

Егор слегка надавливает на больное место, чтобы отвлечь от темы алкоголя. Сергей Сергеевич отвлекается. Он отворачивается к столу, и в этот момент его рука сама собой, на чистом рефлексе двадцати лет армейской службы, совершает молниеносное движение.

Термос.

Егор понимает это слишком поздно.

— Ай да чаёк! — физрук уже отвинтил крышку и задирает голову. — Сейчас мы его...

— Не надо! — рявкает Егор, но голос вампира не успевает подействовать — Сергей Сергеевич делает огромный глоток.

Глоток.

Тишина.

Кровь кролика. Тёплая, густая, с характерным железным

привкусом и той самой травяной отдушкой, которая не может обмануть ни одного живого существа, если оно не Данил Сучков в пацанском угаре.

Глаза Сергея Сергеевича округляются. Сначала они просто становятся большими — как блюдца. Потом в них появляется осознание. Потом ужас. Чистый, первобытный ужас человека, который только что понял, что он выпил.

— Эт... это... — шепчет физрук.

Губы его синеют. Лицо из красного становится серым. Значок ГТО на груди подрагивает.

— Это...

Глаза закатываются.

Сергей Сергеевич валится на пол с глухим звуком, напоминающим падение мешка с мокрой глиной. Кресло-груша жалобно скрипит в последний раз. Физрук лежит носом в ковровин, его олимпийская бейсболка откатилась в угол, обнажив блестящую лысину.

Егор стоит над ним. В правой руке — термос. В левой — остатки бутерброда.

— Твою ж... — шепчет он.

Три секунды он смотрит на поверженное тело. Потом медвежья хватка за голову берёт верх над вампирской паникой. Действовать.

Егор закрывает дверь на щеколду. Ставит термос в ящик стола. Быстро, но без суеты, он поднимает физрука — центнер с гаком — и укладывает на кушетку, ту самую, где де-

ти описывают свои страхи. Поправляет спортивный костюм. Кладёт под голову свёрнутую куртку.

Потом садится напротив, на кресло-грушу, и ждёт.

Ждёт ровно сорок семь секунд — проверенный вампирский тайминг.

Сергей Сергеевич приходит в себя с хрипом. Он садится, хватается за голову. Глаза у него мутные, блуждающие.

— Что... что это было?

— Потеря сознания, — спокойно отвечает Егор. — Алкогольная интоксикация плюс физическое истощение. Я вам говорил, Сергей Сергеич, надо меньше...

— Я не про это! — физрук хватается Егора за рукав, пальцы у него дрожат. — Я пил... из твоего термоса... Там была... там была...

Он не может выговорить слово. Он боится, что если скажет, то сойдёт с ума.

— Что там было? — Егор приподнимает бровь, лицо его совершенно непроницаемо. Таким лицом он смотрит на детей, которые говорят, что домашку съела собака.

— Кровь, — шепотом говорит физрук. — Там была кровь. Горячая. С запахом железа.

— Сергей Сергеич, — вздыхает Егор с такой искренней жалостью, что сам себе аплодирует мысленно. — Это был томатный сок. Острый. С хреном и чесноком. Я себе такой в термос наливаю, чтобы иммунитет поднимать. Вам просто показалось на фоне белой горячки.

— Какой ещё горячки?! — возмущается физрук, но голос его уже теряет уверенность.

— Белой. У вас же вчера был запой? А сегодня вы не пили. Классический абстинентный синдром. Зрительные и вкусовые галлюцинации. Кровь вам померещилась, Сергей Сергеич. Успокойтесь.

Физрук моргает. Смотрит на свои руки. На них нет крови. Смотрит на пол — чисто. Егор протягивает ему стакан воды (обычной, из-под крана).

— Выпейте. Успокойтесь. И запомните: вы упали в обморок, потому что у вас давление. А я вам дал воды. Всё.

Сергей Сергеевич пьёт, мелко трясясь. Он явно не до конца верит, но очень хочет поверить. Потому что альтернатива — признать, что школьный психолог пьёт кровь из термоса, а он, физрук с тридцатилетним стажем, только что стал соучастником.

— Томатный... — бормочет он, потирая лысину. — С хреном...

— Именно. — Егор встаёт, помогает физруку подняться. — Идите, Сергей Сергеич. Отлежитесь. И больше не трогайте чужой термос. А то в следующий раз там может быть свекольник. Упадёте в обморок от красоты вкуса.

Физрук, шатаясь, идёт к двери. На пороге он оборачивается. В его глазах — смесь благодарности, стыда и смутного, глубинного подозрения, которое он никогда не сможет доказать.

— Тополев, — хрипит он. — Ты... ты странный.

— Я психолог, — пожимает плечами Егор. — По-другому нельзя.

Сергей Сергеевич уходит, и его неровные шаги эхом гремят по коридору.

Егор закрывает дверь, прислоняется к косяку и выдыхает. Дрожащими руками достаёт термос, нюхает крышку. Пахнет чесноком — он быстро плеснул туда каплю из пузырька, который носит в кармане для таких вот экстренных случаев.

— Томатный сок, — шепчет он, улыбаясь. — С хреном.

Он садится за стол, наливает себе остатки крови и делает маленький глоток.

«Всё хорошо, — думает Егор. — Физрук жив, тайна раскрыта не полностью, а главное — у меня теперь есть легенда про томатный сок».

В дверь снова стучат. Голос завуча Веры Павловны:

— Александр Павлович! Почему от кабинета пахнет чесноком? У вас что, обеденный перерыв или химическая атака?

Егор закрывает глаза.

— Это том... — он вздыхает. — Это ароматерапия, Вера Павловна. Успокаивает нервы.

— А мои нервы успокоятся, когда вы выйдете на крыльцо с табличкой «Я психолог, но не волшебник»!

— Хорошо, — Егор откупоривает термос. — Как скажете.

Он пьёт кровь и смотрит на потолок. В соседнем клас-

се кто-то играет на флейте. Где-то далеко Сергей Сергеевич убеждает сторожей, что томатный сок с хреном — это новая мода у психологов.

Глава 2

Вечер вторника. Егор паркует мотоцикл у старой девятиэтажки, снимает шлем и поправляет ворот кожаной куртки. Светятся окна на пятом этаже. Кристина.

Он поднимается пешком — лифт сломался еще в прошлом году, и жильцы уже смирились, что умрут с ишемией, шагая на свой этаж. Егору не тяжело. Медвежьи лёгкие прокачают любую высоту.

Дверь открывается почти сразу. На пороге стоит Кристина. Она красивая. Это даже не обсуждается. Русые волосы ниже плеч, уложенные в крупные локоны — видно, что пыхла час перед зеркалом. Глаза голубые, большие, кукольные. Губы накрашены ярко-розовой помадой, которая, кажется, светится в темноте. На ней короткий халатик с леопардовым принтом и тапки-зайцы. Образ дополняет запах дешевой туалетной воды «Love Story» — она купила её на маркетплейсе, потому что в названии было слово «Love», и это казалось ей судьбой.

— Егорка! — Кристина бросается на шею. Надушено мягко, как-то по-девичьи. Он перехватывает её чуть выше локтей и аккуратно отстраняет. Дружески. Нежно, но как стекло, которое нельзя уронить.

— Привет, Крис. — Егор заходит в квартиру. В прихожей пахнет жареной картошкой и ещё чем-то сладким — пиро-

гом, наверное. Она всегда печёт пирог, когда кто-то приходит в гости. Крис добрая и считает, что всех надо кормить.

Кристина за ним, семенит тапками-зайцами, хлопает ресницами. Она выше его на полголовы в этих зайцах, но ведёт себя как маленькая девочка.

— Ты по делу? — спрашивает она, заламывая руки. У неё манера — заламывать руки, когда она нервничает. Выглядит так, будто она собирается молиться или ловить бабочек сачком.

— По делу, — кивает Егор, проходя на кухню. Кухня крошечная, вся в магнитах из разных городов: «Санкт-Петербург», «Париж», «Мальдивы». Она нигде не была, магниты дарили подруги.

— Я принесла, — шёпотом говорит Кристина. Она лезет в холодильник, достаёт увесистый пакет из-под фольги, а внутри — медицинский контейнер. На контейнере наклейка: группа A (II) Rh+, дата забора, и жирный красный штамп: «УТИЛИЗИРОВАТЬ».

Егор берёт контейнер. Вес знакомый. Два литра. Хорошая тара. Он смотрит на просвет — цвет нормальный, тёмно-вишнёвый. Значит, не испортилась. Формально эту кровь нужно утилизировать, но Кристина работает медсестрой в областной станции переливания, и у неё есть... талант. Талант делать вид, что она ничего не замечает.

— Ты не передумал? — она смотрит на него снизу вверх. В её голосе тревога и обожание. Она готова ради него на всё.

Даже на мелкое хищение медицинских отходов.

— Я же сказал, — спокойно отвечает Егор. — У меня редкое заболевание.

Он говорит это с таким лицом, будто рассказывает про погоду. Заболевание. Редкое. Он придумал его два года назад, когда впервые попросил помочь. И Кристина... поверила.

Она не спросила, какое именно. Не полезла в интернет. Не загуглила симптомы. Просто кивнула своей красивой головой и сказала: «Бедненький, конечно, я достану». Потому что она глупая. Не в оскорбительном смысле — она может пересчитать капельницы быстрее любого врача и знает три способа поставить укол в вену-ниточку. Но когда дело касается живых людей, её мозг отключается. Если человек ей нравится, он автоматически становится святым, а его слова — истиной в последней инстанции.

— Тебе не вредно? — Кристина хлопает ресницами. — Твоя болезнь... она не заразная? Я хочу сказать... — она краснеет, поправляет халатик на груди. — Мы же общаемся.

— Не заразная, — Егор прячет контейнер в рюкзак. — Аутоиммунная. Иммунитет атакует свои эритроциты. Приходится регулярно переливать.

Он несёт полную чушь, и каждая фраза из этого абзаца — медицинский абсурд. Но Кристина кивает так серьёзно, будто он цитирует учебник Пирогова.

— Бедный, — она гладит его по плечу. Ладошка тёплая, маленькая. — Ты такой сильный снаружи, а внутри... — она

всхлипывает. — Ты настоящий боец.

Егор чувствует себя моральным уродом. Он перехватывает её руку, сжимает легонько.

— Спасибо, Крис. Ты меня спасаешь.

Она расцветает. Вся — от розовых ушей до розовых пальцев на ногах в тапках-зайцах. Она так счастлива, что он сказал «спасаешь», что готова украсть для него весь банк крови Москвы.

— Пирог будешь? — спрашивает она, уже подпрыгивая к плите. — С яблоками. Я по твоему рецепту сделала.

Егор не любит пироги с детства. Но он садится за стол, берёт вилку и ковыряет кусочек, делая вид, что жуёт. Кристина смотрит на него влюблёнными глазами и подпирает щёку кулачком. На столешнице, между прочим, уже красуется тарелка с огурцами, нарезанными кружочками «для свежести дыхания». Егор делает вид, что не замечает.

— Егор, а ты почему никогда не остаёшься на ночь?

— Болезнь, — коротко отвечает он. — Ночью обострение. Мне нужно быть дома.

Это ложь. Ночью он выезжает на охоту в образе медведя или пьёт ту самую кровь, которую она только что продала. Но Кристина и здесь кивает. Она пододвигает к нему салфетку с нарисованными сердечками.

— Понимаю, — вздыхает она. — Ты такой загадочный. Как вампир из того сериала. — Она хихикает, не подозревая, что сказала чистую правду. — Только ты добрее. И бо-

родатый.

Егор давится воображаемым пирогом.

— Слушай, Крис, — говорит он, откашлявшись, чтобы сменить тему. — У нас сегодня такой забавный случай с физруком произошел. Он в обморок упал прямо у меня в кабинете. А в прошлом месяце упал в столовой, когда увидел, что котлеты — из сои. Еле откачали. Нервный такой стал.

— А ты, Крис, — он решает чуть подсластить пилюлю, — если что — приходи к нам в школу. Детям нужен нормальный взрослый. А то я там один, как медведь в посудной лавке.

— Эх, — Кристина краснеет и прячет лицо в ладошки, щекоча себя же. — Я бы пришла к вам в школу. Детям нужен нормальный взрослый. Я бы им сказки рассказывала. У меня их сто штук в телефоне записано. Но мама меня не пускает. Сказала, что я «вызову культурный диссонанс» и что «в больнице можно хоть какие-то деньги заработать».

— Твоя мама от части права, — отмахивается Егор. Он встаёт, поправляет рюкзак, на минуту задерживает взгляд на контейнере и машинально нюхает воздух — всё чисто. Не прокисло. — Спасибо, Крис. Ты настоящий друг.

Друг. Он специально сказал это слово. Чтобы она не надделала глупостей. Чтобы между ними оставалась та самая безопасная, стерильная стеклянная стена, которую он научился возводить за годы работы с детьми.

Кристина грустно улыбается, но тут же берёт себя в руки,

подхватывает с плиты ещё один пирог, завёрнутый в фольгу, и суёт ему в руки:

— Возьми с собой. Там с мясом. Я знаю, ты не любишь мясо, но я положила туда... эээ... что-то вегетарианское. Тофу, кажется. Или соя. Я не помню. Но вкусно!

Егор принимает пирог, как принимают мину замедленного действия — с уважением и лёгким ужасом. Он уже знает, что завтра на школьном столе этот пирог будет лежать нетронутым до обеда, пока кто-нибудь из учителей не спросит: «А это чего?» — и не откусит кусок, чтобы тут же закашляться от перца, которого Крис положила в два раза больше, чем надо.

— Спасибо, — говорит он и в этот раз почти искренне. — Ты — сокровище.

Кристина сияет, подпрыгивает на месте, и её тапки-зайцы издают жалобный писк.

На пороге Егор оборачивается. В прихожей уже стоят две пары тапочек: его старые, которые он оставлял «для гостеприимства», и её зайцы. Рядом с вешалкой висит её халат и рядом — новый шарф, который она, видимо, связала ему к зиме. Шарф — розовый, с оленями.

— Крис, — говорит он мягко, кивая на шарф. — А это чего?

— Это тебе! — она выбегает в коридор, на цыпочках протягивает ему шарф, и её руки дрожат. — Я сама связала. Ну... не совсем сама. Подруга помогала. Но узор — мой! Ты

же любишь оленей?

Егор не любит оленей. Он охотится на них по ночам, но в данный момент он чувствует, что если откажется — Кристина разрыдается так, что затопит всех соседей снизу.

— Люблю, — говорит он с каменным лицом и прячет шарф в рюкзак, поверх контейнера с кровью.

Через десять минут он уже на улице, открывает кофр Ямахи, аккуратно ставит контейнер внутрь. Сверху кладёт пирог с тофу, сбоку — шарф с оленями. Всё это выглядит как десантный набор сумасшедшего.

В окне пятого этажа горит свет. Кристина стоит у стекла, машет ему рукой и, кажется, плачет от умиления. Она точно видит, как он прячет её подарки в мотоцикл, как запахивает куртку, и, кажется, уже придумывает, какой пирог испечёт в следующий раз.

— Глупая, — тихо говорит Егор сам себе, надевая шлем. — Красивая, добрая, глупая девочка.

Он заводит мотоцикл. Кровь мерно покачивается, и шарф с оленями приятно пахнет дешёвой синтетикой и женским теплом.

«Надо будет привезти ей магнитов. Из следующей поездки. Штук пять. Чтобы не влюблялась в каждого вампира с медвежьей мордой».

И Ямаха уносит его в ночь, оставляя за спиной тёплое окно и тапки-зайцы, которые будут стоять у порога до утра в надежде, что он вернётся.

Через квартал Егор останавливается на светофоре. Рядом с ним тормозит патрульная машина. Из опущенного стекла выглядывает капитан полиции, который знает Егора ещё с тех времён, когда тот разбирал драки на мотофестивалях.

— Тополев! — кричит капитан. — Ты чего это за линию вылез? Права купил, а ездить не купил?

— Это не я, он сам — отвечает Егор, постукивая по баку мотоцикла. — Он сегодня меня не слушается.

Капитан смотрит на него с таким же выражением: что еще ждать от идиота.

— Ладно, — машет он рукой. — Езжай, сказочник.

И Ямаха, взревев, уносит Егора в ночь. За спиной остаются пироги, шарфы, зайцы и восемь миллионов вопросов, на которые у него никогда не будет нормальных ответов.

«Психолог, блин, — думает Егор, влетая в поворот. — Медведь-вампир с пирогом в кофре. Чего я тут забыл?»